

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ДРЕВНЕНОВГОРОДСКОГО ДИАЛЕКТА

Глава 1

ИСТОЧНИКИ

КАТЕГОРИИ ДРЕВНЕНОВГОРОДСКИХ ИСТОЧНИКОВ

§ 1.1. Имеющиеся в распоряжении историка русского языка источники для изучения некоторого идиома в некоторый период его истории можно разделить на прямые и косвенные. К прямым источникам относятся тексты, написанные в рассматриваемый период непосредственно на данном идиоме и дошедшие до нас в подлиннике. К косвенным источникам относятся прежде всего: а) позднейшие списки таких текстов; б) аналогичные тексты, созданные в более поздний период; в) тексты, написанные (тогда же или позднее) в основном по нормам другого идиома, но с тем или иным количеством отклонений, отразивших влияние интересующего нас идиома; г) данные современных говоров. Кроме того, косвенными источниками могут служить данные топонимики и ономастики, а также заимствования в соседние языки и диалекты (или из них).

Заметим, впрочем, что границу между прямыми и косвенными источниками не всегда можно провести вполне строго, поскольку она зависит от оценки того, на каком идиоме написан тот или иной документ (ср. пункт «в»), а этот вопрос в некоторых случаях решается неоднозначно.

Для др.-новг. диалекта в узком смысле для раннего периода (XI – нач. XIII в.) прямыми источниками являются:

1. Берестяные грамоты указанного периода из Новгорода и Старой Руссы (за исключением очень немногих, написанных по нормам других идиомов).
2. Несколько коротких надписей на найденных в Новгороде бытовых предметах (пряслицах, гребнях и т. п.). Что касается надписей на стенах церкви и на крестах, то они как правило составлены по ц.-сл. нормам; лишь очень немногие из них могут быть оценены как написанные на диалекте.
3. Первая часть («Варл.₁») пергаменной Варламовой грамоты 1192–1210 гг.

Все существенные в лингвистическом отношении тексты этих трех категорий включены во вторую часть настоящей книги.

Для позднего периода (XIII–XV вв.) прямыми источниками для этого же идиома являются:

1. Берестяные грамоты указанного периода из Новгорода и Старой Руссы (опять-таки за исключением немногих, написанных по нормам других идиомов).
2. Некоторое число надписей на различных предметах.
3. Некоторая часть оставленных писцами приписок эмоционального или бытового характера, изредка встречающихся на полях церковных книг.
4. К числу прямых источников можно также отнести, хотя и с известной долей условности, небольшое число новгородских пергаменных и бумажных грамот, где диалектные черты явно преобладают над наддиалектными. Таковы, в частности, грамоты ГВНП № 46, 115, 122, 130, 132 (и некоторые другие) и грамоты, опубликованные в работе Хорошкевич 1964. Об основном массиве пергаменных грамот см. ниже.

Во вторую часть настоящей книги включены все существенные в лингвистическом отношении тексты первой из указанных категорий.

Косвенные источники для др.-новг. диалекта в узком смысле (как раннего, так и позднего периода) таковы.

1. Новгородские пергаменные (и бумажные) грамоты XIII–XV вв. Почти все они собраны в ГВНП (сверх ГВНП отметим прежде всего Хрест., № 37, 38, 39, Валк 1956, Корецкий 1958, 1969, Хорошкевич 1964); их хронологию см. в работе: Янин 1991. За исключением немногих, о которых сказано выше, эти грамоты ориентированы на наддиалектные нормы; новгородизмы появляются в них только как отступления (иногда сравнительно частые, иногда совсем редкие) от этих норм.

К этой категории отчасти примыкают также новгородские списки Русской Правды и княжеских уставов (включенные в состав кормчих и различных сборников); см. ПР, Княж. уставы. В данном случае новгородизмы появляются лишь за счет деятельности переписчиков.

2. Новгородские летописи. Все они в значительной мере ориентированы на ц.-сл. нормы (с включением некоторых наддиалектных древнерусских норм); частота использования новгородизмов в разных летописях и разных списках различна, но в среднем она выше, чем в собственно церковных памятниках. Для лингвистического анализа важнейшей является Новгородская I летопись (НПЛ) и прежде всего ее Синодальный список (Синод. НПЛ). Первая часть этого списка, доходящая до событий 1234 г. (Синод.₁ НПЛ), была переписана, как можно предполагать (см. Гимон, Гиппиус 1999), вскоре после указанной даты, вторая, доходящая до событий 1330 г. (Синод.₂ НПЛ), — около 1330 г.

Для изучения Синод. НПЛ большое значение имеют достижения А. А. Гиппиуса (1992, 1996б), который показал, что, во-первых, текст Синод.₁ НПЛ переписан одним почерком (а не двумя, как традиционно считалось), во-вторых, его переписчик довольно точно копировал оригинал, благодаря чему этот текст может быть разделен на отрезки, соответствующие деятельности отдельных летописцев. Эти летописцы различались между собой, помимо прочего, по частоте использования новгородизмов.

3. Новгородские церковные памятники XI–XV вв. Их язык — церковнославянский (с элементами наддиалектного древнерусского); но обычно имеется также хотя бы небольшое число отклонений под влиянием родного диалекта писца. Количество таких отклонений заметно варьирует в зависимости от того, является ли текст традиционным или составлен в Новгороде, от содержания текста, от квалификации писца и т. д.

Особое место занимает “Вопрошание Кириково” — религиозно-этический трактат, составленный в 1130–56 гг. новгородским летописцем и математиком Кириком (см. *Вопр. Кирик. и Смирнов* 1912). Он дошел до нас лишь в списках, древнейший из которых содержится в новгородской кормчей 1280-х гг. Его первоначальный текст несомненно был весьма насыщен новгородизмами, и несмотря на то, что позднейшие переписчики большую часть из них устранили, этот трактат имеет большое значение для исследования др.-новг. диалекта.

Как правило, ближе к живой речи, чем основной текст памятника, стоят записи писцов и в особенности приписки на полях (из числа последних некоторые могут даже квалифицироваться как прямые источники для изучения др.-новг. диалекта, см. выше).

К категории церковных памятников, помимо рукописей, относятся также (за очень небольшим числом исключений) надписи на стенах церквей и на крестах.

4. Связанные с Новгородом письма, юридические документы и рукописные книги более позднего периода (XVI–XVIII вв.). Следует учитывать, однако, что большинство этих источников отражает уже не новгородские, а иные (прежде всего московские) нормы; следы древнейших новгородских особенностей отыскиваются в таких источниках обычно лишь с трудом.

5. Современные говоры. Этот важный источник пока еще недостаточно помогает исследователю др.-новг. диалекта — как потому, что никакие современные говоры нельзя считать его прямыми и несмешанными продолжениями, так и из-за того, что подавляющее большинство имеющихся диалектологических исследований нацелено на явления более позднего происхождения.

6. Данные топонимики и ономастики. В распоряжении исследователей имеется обширный фонд др.-новг. топонимов и антропонимов, представленный прежде всего материалами новгородских писцовых книг (НПК) конца XV в. и XVI в., а также материалами летописей и других ранних источников. Имеют существенное лингвистическое значение также данные современной топонимики прежней новгородской территории.

7. Определенную лингвистическую информацию могут заключать в себе заимствования из др.-новг. диалекта в соседние языки (прежде всего финно-угорские), а также заимствования противоположного направления.

§ 1.2. Изучение др.-новг. диалекта в широком смысле (= др.-новг. пучка диалектов) практически означает изучение тех его черт, которые отсутствуют в др.-новг. диалекте в узком смысле. Иначе говоря, речь идет о специфических особенностях, с одной стороны, древнепсковского диалекта, с другой — восточноновгородских говоров.

К сожалению, материал для такого изучения гораздо беднее, чем материал по др.-новг. диалекту в узком смысле. Главный недостаток состоит в том, что для раннего периода в данном случае прямых источников нет вообще.

Для древнепсковского диалекта ситуация такова.

Прямыми источниками для позднего периода (XIII–XV вв.) здесь являются:

1. Псковские берестяные грамоты № 4, 6, 7 (остальные берестяные грамоты — это совсем маленькие фрагменты, не дающие лингвистической информации).

2. Несколько приписок на полях церковных книг.

Косвенные источники здесь носят в основном такой же характер, как для Новгорода (поэтому комментарии мы не повторяем):

1. Псковские пергаменные грамоты XIV–XV вв. К сожалению, из подлинных грамот этого времени сохранились только: грамота о выдаче Нездильца (Хрест., № 35, нач. XIV в.); грамота о выдаче имущества Никона (Валк 1956, № 1, 1418–19 гг.; см. Д 41); завещание Акилины (Мар., № 33, 1417–21 гг.); жалоба на рижанина Иволта (Хрест., № 42, 1463–65 гг.). Прочие грамоты известны лишь в поздних списках (см. ГВНП, Мар. и Корецкий 1969).

Некоторые псковские черты имеются также в грамоте рижан около 1300 г. (Напьерский, № 49). Напротив, рядная Тешаты с Якимом (Хрест., № 20, 1266–99 гг.), нередко относимая к числу псковских, никаких псковских черт не имеет (вероятно, она отражает полоцкий диалект).

2. Псковские летописи. Их насыщенность диалектными чертами в целом довольно велика.

3. Псковские церковные памятники XIII–XV вв. (более ранние памятники заведомо псковского происхождения неизвестны).

4. Связанные с Псковом письма, юридические документы и рукописные книги более позднего периода.

Особое место занимает русско-немецкий разговорник Т. Фенне 1607 г. — бесценный источник сведений о живом языке Пскова начала XVII в. (см. Фенне).

5. Современные псковские, а также гдовские и отчасти прионежские говоры. Значение этих говоров для восстановления истории др.-пск. диалекта очень велико: многие из них сохраняют большое количество архаизмов.

6. Данные псковской топонимики и ономастики — древней и современной.

7. Заимствования из др.-пск. диалекта в соседние языки и диалекты и наоборот.

8. Сверх этих косвенных источников, вполне параллельных новгородским, можно указать еще один: небольшое число берестяных грамот из Новгорода, обнаруживающих отдельные псковизмы, т. е. черты, в целом не свойственные др.-новг. диалекту в узком смысле, но известные в псковских памятниках — прежде всего шоканье (§ 2.14). Некоторые из таких грамот (например, № 682, 717, 735, Свинц. 1) относятся к ранне-др.-р. периоду и тем самым оказываются более ранними свидетельствами существования соответствующих псковских диалектных явлений, чем собственно псковские памятники.

Для восточноновгородских говоров материал еще более ограничен. Прямых источников здесь до недавнего времени практически не было — не только для раннего периода, но и для XIII–XV вв. С находкой первых берестяных грамот в Торжке открылась перспектива частичного восполнения этого пробела в будущем. Но пока еще объем материала в имеющихся новоторжских берестяных грамотах (XII в.) недостаточен для того, чтобы отличить местные черты от общеновгородских. Одна из этих грамот (Торж. 10) обнаруживает восточные черты, но вполне возможно, что она написана не новоторжцем, а жителем ростово-суздальской зоны.

Косвенные источники — тех же типов, что перечислены выше, но заметно беднее. Так, пергаменные грамоты двинского, вологодского, белозерского, устюжского и других северо-восточных регионов известны лишь начиная с рубежа XIV–XV вв. При этом вычленение диалектных элементов здесь весьма затруднено: в двинских грамотах сильно влияние др.-новг. койне, прочие грамоты во многом отражают московские канцелярские нормы. Диалектно окрашенных летописей, подобных псковским, здесь нет.

В этой ситуации большое значение приобретают показания более поздних памятников и в особенности данные современных говоров соответствующих территорий.

Весьма важны также показания тех немногих берестяных грамот из Новгорода, где выступают отдельные черты, несвойственные др.-новг. диалекту в узком смысле, но сходные с современными северо-восточными говорами (см. об этих грамотах Зализняк 1988а: 74).

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТАХ

Корпус берестяных грамот

§ 1.3. Поскольку основной тип древнерусских письменных источников, изучаемых в настоящей книге, — это берестяные грамоты, т. е. записи на кусках березовой коры, рассмотрим коротко общие особенности этой категории документов.

Первые берестяные грамоты были найдены в 1951 г., в ходе археологических раскопок в Новгороде. С тех пор ежегодно из почвы Новгорода археологи извлекают всё новые и новые грамоты, и аналогичные находки имеются уже в одиннадцати других древнерусских городах. К концу 2003 г. корпус берестяных грамот имел следующий состав: Новгород — 950¹, Новгородское (“Рюриково”) Городище — 1, Старая Русса — 38, Торжок — 19, Псков — 8, Смоленск — 15, Витебск — 1, Мстиславль — 1, Тверь — 5, Москва — 1, Старая Рязань — 1, Звенигород Галицкий — 3. Общая длина этих 1043 грамот — около 15300 словоупотреблений; общий объем словаря — более 3200 лексических единиц.

В настоящей книге берестяные грамоты из Новгорода обозначаются просто номером; при этом знак № может опускаться. Так, запись типа *хоудость 752* означает, что данная словоформа цитируется из новгородской берестяной грамоты № 752. Для берестяных грамот из других городов перед номером ставится символ города: Город., Ст. Р., Торж., Пск., Смол., Вит., Мст., Твер., Мос., Ряз., Звен.

Как можно видеть, подавляющее большинство ныне известных берестяных грамот найдено в Новгороде. Представим несколько подробнее топографию находок внутри города. Археологические раскопы в Новгороде, на которых были найдены берестяные грамоты, таковы (в порядке ведения работ).

Неревский — в Неревском конце, к северу от кремля. Работы велись в 1951–62 гг. Древние улицы: Великая, Холопья, Козмодемьяня. Усадьбы от А до К. 398 берестяных грамот (первая из них — № 1, последняя — № 412).

Ильинский — в Славенском конце, западнее Знаменского собора, близ древней Ильиной улицы (1962–67 гг.). 21 грамота (№ 413–415, 417–428, 430–435).

Бояновский — к северу от Ярославова дворища (1967 г.). Древняя улица: Бояня. 9 грамот (№ 436–444).

---

¹ Здесь и в прочих случаях в настоящей книге в подсчет включен также берестяной документ № 915-И.

Тихвинский — близ Неревского раскопа, к западу от него (1969 г.). 17 грамот (№ 446–462).

Михайловский — к юго-востоку от Ярославова дворища (1970 г.). Древняя улица: Михайлова. 25 грамот (№ 464–487, 494).

Готский — к югу от Ярославова дворища, на древнем Готском дворе (1968–70 гг.). 1 грамота (№ 488).

Торговый — на территории древнего Торга (1971 г.). 4 грамоты (№ 489–492).

Рогатицкий — к северо-востоку от Ярославова дворища (1971 г.). 1 грамота (№ 493).

Славенский — в Славенском конце, к востоку от Ярославова дворища (1971–74 гг.). 10 грамот (№ 495–500, 509, 516–518).

Троицкий — в Людином конце, к югу от кремля, близ церкви св. Троицы. Работы продолжаются с 1973 г. Древние улицы: Пробойная, Черницына, Ярышева. Усадьбы от А до Т. 383 грамоты (к концу 2003 г.; первая — № 501).

Козмодемьянский — в Неревском конце, близ древней Козмодемьяней улицы (1974 г.). 5 грамот (№ 510–513, 515).

Дмитриевский — в северной части Неревского конца. (1976 г.). 7 грамот (№ 532, 534–539).

Дубошин — в Славенском конце, близ древнего Дубошина переулка (1977–78 гг.). 6 грамот (№ 540, 543, 563–565, 571).

Нутный — в Славенском конце (1979–82 гг.). Древняя улица: Нутная. 12 грамот (№ 576–580, 582, 583, 587, 590, 591, 593, 610).

Михаилоархангельский — на Софийской стороне, близ церкви Михаила-архангела на Прусской улице (1990–91 гг.). 5 грамот (№ 715, 718, 719, 723, 724).

Федоровский — на Торговой стороне, к югу от церкви Федора Стратилата (1991–97 гг.). 5 грамот (№ 744, 749–751, 789).

Лукинский — на Торговой стороне, к северу от церкви Спаса Преображения на Ильине улице, близ церкви св. Луки (1993 г.). Древняя улица: Лубяница. 3 грамоты (№ 746–748).

Кремлевский — в новгородском кремле (Детинце) (1995–96 гг.). 3 грамоты (№ 756, 762, 764).

Никитинский — на Торговой стороне, к западу от церкви Никиты-мученика (2002–03 гг.). 11 грамот (№ 928, 930–933, 937–939, 942, 948, 949).

Новгородские берестяные грамоты, не вошедшие в этот перечень, найдены не в ходе раскопок, а при различных случайных обстоятельствах.

Внешний вид, нумерация

§ 1.4. Берестяная грамота, если она дошла до нас в целом виде, внешне представляет собой продолговатый лист бересты, обычно обрезанный по краям. Размеры листа могут варьировать очень сильно, но большинство экземпляров укладывается в рамки: 15–40 см в длину, 2–8 см в ширину. Однако реально лишь около четверти берестяных грамот сохраняется в целости; остальные доходят до нас с утратами — от небольших до столь значительных, что от первоначального документа остается лишь крошечный фрагмент. В части случаев утраты связаны с тем, что береста горела, растрескивалась, выкрашивалась и т. п. Но все же чаще всего грамоты бывают порваны (или разрезаны) рукой человека: адресат уничтожал таким способом ненужное ему более письмо, не желая, чтобы его могли прочесть посторонние.

Буквы выдавливались (выцарапывались) на бересте острием специально предназначенного для этой цели металлического или костяного инструмента — писала (стилоса). Лишь две грамоты (№ 13 и 496) написаны чернилами.

Большинство грамот написано на внутренней (т. е. обращенной к стволу), более темной, стороне берестяного листа и лишь немногие — на внешней (поскольку внешняя сторона бересты менее удобна для письма: она шелушится, она жестче, ее свободные концы закручиваются вверх, мешая писалу). Небольшая часть грамот содержит текст на обеих сторонах листа; в таких грамотах начало текста в большей части случаев находится на внутренней стороне.

По ряду причин единица нумерации не всегда соответствует отдельному первоначальному документу. Единицей нумерации является отдельная находка — как целый берестяной лист, так и фрагмент. Лишь в том случае, если в течение одного и того же археологического сезона найдено несколько фрагментов, которые очевидным образом являются частями единого первоначального листа, они получают единый номер. Но части одного и того же берестяного листа могут быть найдены и с интервалом в несколько лет (см., например, А 7); кроме того, сам факт такого единства может быть установлен далеко не сразу. Грамота, сложившаяся из таких фрагментов, получает составной номер, например: 259/265, 275/266, 494/469, 607/562, 662/684, 877/572 (части составного номера ставятся в порядке следования текста).

Следует учитывать также, что относительно длинные документы могли записываться на двух или более берестяных листах. Несколько таких документов дошло до нас. Они обозначаются тем же способом, например: 519/520, 698/699.

С другой стороны, изредка на одном берестяном листе содержится два текста, написанных разными лицами, например, на одной стороне листа — письмо, на другой — ответ на него (как в № 736, см. А 19). В этих случаях мы имеем дело — по крайней мере, с лингвистической точки зрения — с двумя разными документами. Для их различения применяются буквенные индексы, например, 736а и 736б.

Таким образом, слово “грамота” употребляется, строго говоря, в двух несколько различных смыслах: а) то же, что единица нумерации (т. е., всякая находка, получившая отдельный номер); б) отдельный первоначальный документ (независимо от того, на каком числе листов он был написан и в каком количестве фрагментов дошел до нас). При втором типе словоупотребления частным случаем грамоты являются также, например, 607/562, 519/520, 736б. Избежать этого двойственного словоупотребления довольно трудно: в одних случаях (например, при первоначальной публикации грамот, при анализе статистики находок и т. п.) естествен первый тип словоупотребления, в других (например, при лингвистическом анализе, при изучении содержания грамот) — второй. Какой из двух смыслов имеется в виду, как правило, достаточно легко установить из контекста.

З а м е ч а н и е. При цитировании словоформ ссылка на грамоту обычно содержит простой номер (не двойной), например, *Жизнобоуде* 607 (что соответствует первому смыслу слова “грамота”); это облегчает поиск словоформы в тексте. Двойной номер дается лишь в том случае, когда стык фрагментов проходит внутри данной словоформы, например, *верешь* 275/266.

Совокупность грамот, написанных одним и тем же почерком, ниже называется **б л о к о м**. Для обозначения блоков (кроме записываемых с косой чертой, типа 259/265) используется знак +, например: «блок № 19+122+129» (знак № факультативен). В качестве сокращения допускается также запись типа «блок № 19», «блок № 259» (или «блок 19», «блок 259»).

Датирование

§ 1.5. Датирование берестяных грамот представляет собой комплексную проблему: учитывается несколько разных аспектов документа.

Основную роль играет стратиграфическое датирование, т. е. датирование средствами археологии того слоя, в котором залежала грамота. Оно складывается из ряда элементов, главным из которых в условиях Новгорода является дендрохронология, т. е. определение даты рубки деревьев, использованных для строительства мостовых и прочих деревянных сооружений. Не вдаваясь в суть данной проблематики, отметим лишь то, что прямо касается нашей работы. В максимально благоприятных случаях (например, когда грамота лежит прямо на мостовой между двумя точно датированными настилами) точность ее датирования может достигать 10–15 лет. Чем дальше от мостовых лежит грамота, тем эта точность меньше — скажем, до 30, 40, 50, 60 лет. Чрезмерная (хотя и легко объяснимая) эйфория начального периода новгородской дендрохронологии, когда грамотам давались жесткие датировки типа «1282–1299», «1340–1368», ныне преодолена. В то же время продолжают поиски методов более точного датирования находок, удаленных от мостовых.

Следует учитывать также специфику самой стратиграфической датировки: в подавляющем большинстве случаев истинная дата попадания берестяной грамоты в землю действительно находится в рамках этой датировки; но в отдельных случаях (к счастью, редких) всё же возможны не поддающиеся учету случайные перемещения бересты в более глубокий или в менее глубокий слой, которые искажают истинную картину.

Еще одна проблема состоит в том, что грамота могла в некоторых случаях быть выброшена не сразу, а какое-то время храниться в доме. Но роль этого фактора для датирования, по-видимому, в целом незначительна — потому что, во-первых, по самому своему содержанию берестяные грамоты почти никогда не требовали хранения, во-вторых, берестяная грамота, хранившаяся в доме, сгорала в первом же пожаре, т. е. сравнительно скоро (по меркам наших хронологических оценок).

Итак, стратиграфическая оценка служит ценнейшим и незаменимым средством датирования берестяных грамот; но важное значение имеет также и дополнительный контроль этой оценки с помощью внестратиграфических (т. е. всех прочих) средств датирования, пригодных для рассматриваемого документа.

В вышедшем в 2000 г. X томе НГБ содержится обширный раздел “Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование”. К нему мы и отсылаем читателя за всеми подробностями, а здесь ограничимся лишь самыми общими сведениями.

Главным средством внестратиграфического датирования служит палеография. Как уже давно установлено, палеография документов на бересте имеет ряд отличий от палеографии пергаменных рукописей. Ныне в нашем распоряжении имеется уже достаточно полный свод данных по палеографии берестяных грамот. Эти данные позволяют в большинстве случаев датировать новонайденную грамоту (если только она не слишком мала) с точностью примерно до 100 лет, при благоприятных обстоятельствах — до 40–60 лет.

Помимо собственно палеографии, датирующим средством служит также графика (т. е. сам инвентарь используемых писцом букв и основные принципы их применения); см. § 1.7–12. При благоприятных обстоятельствах графический анализ дает почти такую же степень хронологической точности, как и палеографический.

Следующее средство датирования — анализ языковых особенностей текста, имеющих значение для хронологии. Правда, данное средство может использоваться лишь с большой осторожностью и только на основании показаний других берестяных грамот, но не памятников книжной письменности (поскольку время первой фиксации некоторого явления в этих двух родах письменности может сильно различаться).

Хронологическое значение имеет также характер этикетных формул, используемых в берестяных письмах (см. § 1.16).

Наконец, исключительно важное значение для контроля датировок, полученных всеми перечисленными средствами, имеет упоминание в грамоте людей, которые отождествляются с историческими лицами, известными из летописи. В настоящее время примерно для 25 персонажей, фигурирующих в общей сложности примерно в 80 берестяных грамотах, такое отождествление с нашей точки зрения надежно. Самое впечатляющее из этих достижений — обнаружение в грамотах конца XIII – сер. XV вв. из Неревского раскопа представителей целых шести поколений знаменитого боярского рода Мишиничей (см. В 36). Кроме того, в берестяных грамотах имеется еще несколько десятков персонажей, отождествление которых с историческими лицами представляется достаточно вероятным.

Весьма существенно также, что берестяные грамоты, найденные на одном раскопе (или соседних раскопах), могут быть связаны между собой различными связями — с одной стороны, принадлежностью к одному и тому же слою, с другой — упоминанием одних и тех же лиц (не обязательно исторических). Благодаря этому надежная датировка одной грамоты часто оказывается важным основанием для уточнения датировок нескольких других грамот, так или иначе с ней связанных.

Совокупность всех перечисленных средств датирования позволяет датировать подавляющее большинство берестяных грамот с точностью до 20–50 лет, в особо благоприятных случаях — несколько точнее, в особо неблагоприятных (к счастью, довольно редких) — с точностью до века. Для лингвистических целей датирование с точностью до 20–50 лет как правило вполне достаточно, поскольку этот интервал меньше, чем срок протекания любого, даже относительно быстрого, диахронического процесса в языке. Напомним, что в пределах обычного срока человеческой жизни даже рукописи, датированные конкретным годом, не обязательно отражают этапы развития языка в точном соответствии с порядком их дат: языковые (равно как палеографические и т. п.) особенности, например, у 70-летнего писца, пишущего в 1170 г., практически те же, что в его юности, т. е. они архаичнее, чем у 20-летнего, пишущего в 1150 г.

Дошедшие до нас древнерусские берестяные грамоты относятся к эпохе с XI по XV в.; конкретнее см. во второй части настоящей книги.

При указании датировок (как для берестяных грамот, так и для иных документов) ниже может быть использована сокращенная запись: римская цифра сама по себе означает век (например, XI), подстрочные цифры 1 и 2 — его первую и вторую половину (например, XI₁, XI₂); рубеж веков обозначается косой чертой (например, XI/XII). Запись типа «1300-е гг.» обозначает первое десятилетие века. При рассмотрении вопросов, не требующих полной хронологической точности, датировки берестяных грамот (и других документов) обычно даются с некоторым огрублением. При этом масштаб огрубления может зависеть от степени детальности анализа; соответственно, одна и та же грамота может в разных контекстах получить, например, такие хронологические пометы: XIV, XIV₂, 3 четв. XIV, 60-е гг. XIV.

Содержание, специфические трудности изучения

§ 1.6. Подавляющее большинство берестяных грамот написаны по-древнерусски, небольшое число — по-церковнославянски (см. ниже). Имеется также несколько грамот, написанных на неславянских языках: 292 (прибалтийско-финская), 488 (латинская), 552 (греческая), 753 (нижненемецкая); в настоящей книге они не рассматриваются.

Берестяные грамоты как правило очень кратки. Самые длинные грамоты — № 519/520 и № 531 — насчитывают соответственно 176 и 166 слов. Но чаще всего грамоты гораздо короче: большинство полностью сохранившихся грамот не длиннее 20 слов, лишь немногие из них длиннее 50 слов.

Безусловное большинство берестяных грамот — это частные письма. Они посвящены самым разнообразным делам текущей жизни — хозяйственным, семейным, денежным, торговым и т. д. К категории частных писем тесно примыкают также челобитные (XIV–XV вв.) феодалу от крестьян.

Заметную группу составляют различные реестры (в основном долговые списки и росписи денежных или натуральных поставок). Они могли быть сделаны на память для себя; но могли также служить и письменными распоряжениями о том, чтобы взять указанные долги, т. е. играть ту же роль, что аналогичные документы, начинающиеся словом 'возьми'. Иначе говоря, граница между этой группой документов и собственно письмами не вполне строгая.

Имеется около двух десятков ярлычков, содержащих лишь имя владельца. Их функция пока еще остается предметом дискуссии.

В своей совокупности эти три категории составляют подавляющую часть всего массива берестяных грамот. Грамоты этих категорий (за исключением нескольких писем, выдержанных в книжном стиле) можно условно обозначить как "бытовые". В абсолютном большинстве случаев они написаны на диалекте. В целом они стоят ближе к живой древнерусской речи, чем любые другие ныне известные письменные источники.

Остальная (весьма небольшая) часть берестяных грамот складывается из следующих категорий:

а) официальные документы (или их черновики) — завещания, рядные, росписки, протоколы и т. п.;

б) учебные — азбуки, перечни цифр, склады, упражнения;

в) литературные и фольклорные — отрывки литературных сочинений (№ 893 и Торж. 17), загадка (№ 10), школьная шутка (№ 46), заговоры (№ 521, 715, 734, 930; сюда же можно отнести № 674);

г) церковные — литургические тексты, обрывки молитв и поучений, а также списки имен, представляющие собой заказы на иконы или церковные поминания.

С точки зрения языка документы группы «а» в большинстве случаев ориентированы на наддиалектные др.-р. нормы (но содержат и диалектизмы); лишь несколько таких документов написано просто на диалекте.

Церковные тексты (а также заговоры № 715, 734, 930, 674) написаны в одних случаях на чистом ц.-сл. языке, в других — на смешанном. Берестяные документы этой категории используются в настоящей книге лишь в ограниченной степени; во второй части книги они приводятся только в качестве приложений.

Следует учитывать, что палеографическое, филологическое и лингвистическое изучение берестяных грамот обычно бывает сопряжено со специфическими трудно-

стями, нехарактерными для традиционных др.-р. источников. Эти трудности определяются целым рядом причин, в частности: в большинстве грамот текст частично оборван; идентификация букв в тексте грамоты иногда бывает очень трудна и не вполне надежна, особенно если сохранность бересты плохая; грамоты нередко столь кратки, что при анализе нет возможности опереться на контекст; в языковом отношении берестяные грамоты таят в себе много неожиданностей, при разгадке которых материал традиционных источников иногда не столько помогает, сколько вводит в заблуждение.

В этой ситуации нет ничего удивительного в том, что первоначальное прочтение и интерпретация грамоты редко оказываются окончательными. Позднейшее дополнительное изучение грамоты (по оригиналу, по фотографии или даже по прориси) может давать поправки всех уровней — от идентификации букв и словоделения до синтаксической структуры и перевода. Очень помогают в этой работе новые находки: они часто проливают дополнительный свет на трудные места в ранее найденных грамотах. Настоящая книга, в которой учтено очень большое количество поправок, сделанных многочисленными исследователями, отражает, таким образом, гораздо более продвинутую стадию в изучении берестяных грамот, чем их первоначальные публикации. Столь же ясно, однако, что и этот этап — не окончательный, т. е. какие-то коррективы будут появляться и в дальнейшем.

ГРАФИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ, ОТРАЗИВШИЕСЯ В ДРЕВНЕОНГРОДСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Книжная и бытовая графические системы

§ 1.7. При анализе берестяных грамот и других др.-новг. источников следует различать две основные графические системы: книжную и некнижную, или бытовую.² Каждая из них представлена несколькими разновидностями, которые мы будем называть частными системами (позволяя себе в ясных случаях слово “частная” опускать). Разнообразностей книжной системы сравнительно мало, некнижной — довольно много.

Специально отметим, что наименование “бытовая” имеет в виду характер преимущественного употребления соответствующей системы в XII–XV вв. (не ее происхождение). При этом, однако, слово “бытовой” лишь довольно приблизительно очерчивает основную сферу употребления данной системы, поскольку эта сфера реально включает не только частную переписку по вопросам повседневной жизни и записи для собственного пользования, но и юридические документы (обычно касающиеся частных лиц, но иногда и государственные), а также различные надписи (не только на бытовых предметах, но и на стенах церквей и на иконах). Но более точные наименования были бы слишком громоздкими для практического употребления в качестве термина.

Вопросу о графических системах берестяных грамот посвящены §§ 5–24 работы Лингв. и статья Зализняк 2002. К этим работам мы и отсылаем читателя за всеми деталями, а здесь ограничимся пересказом принципиальных положений, без учета которых адекватная интерпретация материала берестяных грамот невозможна.

---

² В отличие от ДНД₁, мы предпочитаем теперь говорить о бытовой графической системе (в ед. числе), а не о бытовых системах (во множ. числе); см. Зализняк 2002, § 17.

Наиболее удобная схема описания древнерусских графических систем такова. Для каждого из двух периодов — раннедревнерусского и позднедревнерусского — одна частная графическая система рассматривается как стандартная, а все прочие частные системы описываются через их отличия от стандартной. В качестве стандартной системы естественно принять наиболее распространенную в соответствующий период разновидность книжной системы (лишь в одном пункте мы несколько отступили от этого принципа, чтобы избежать излишних сложностей: за стандартную форму передачи фонемы /у/ для всех периодов принято *у*, тогда как в памятниках оно реально преобладает лишь в поздний период, а в ранний период гораздо чаще выступает *оу*).

Не рассматривая эти системы в полном объеме, выделим лишь тот их фрагмент, который связан с употреблением букв *ѣ*, *ѵ*, *о*, *е*, *ѧ*, *и*.

В стандартной раннедревнерусской графической системе переход от этих букв к фонемам таков: *ѣ* — /ъ/, *ѵ* — /ь/, *о* — /о/, *е* — /е/, *ѧ* — /je/, *и* — /и/ (после согласной буквы), /ји/ или /жь/ (после гласной буквы, в т. ч. *ѣ*, *ѵ*, или в начале слова; простых правил выбора между /ји/ и /жь/ нет). При переходе от фонем к буквам действуют эти же соотношения; никакими иными способами указанные фонемы и фонемные сочетания не передаются.

В стандартной позднедревнерусской графической системе переход от букв к фонемам таков: *о* — /э/ или /ѡ/ (т. е. *о* открытое или *о* закрытое; простых правил выбора между ними нет); *е* — /е/, *ѧ* — /je/; *и* — /и/ (после согласной буквы), /ји/ или /ји/ (после гласной буквы, букв *ѣ*, *ѵ* и в начале слова; простых правил распределения нет). При обратном переходе действуют те же соотношения (с той оговоркой, что /ји/ передается через *и* только если это /ји/ стоит перед согласной фонемой или в конце словоформы). Буквы *ѣ* и *ѵ* обозначают (соответственно) только твердость или мягкость предшествующей согласной; они применяются с этой целью в конце словоформы и там, где за согласной на фонемном уровне следует /ји/. Буква *ѵ* (реже *ѣ*) факультативно применяется также внутри группы согласных.

Буква *ѣ* в обеих системах передавала фонему /ѣ/ (а после гласной буквы или в начале слова — /ѣѣ/).

Отличие некоторой частной графической системы *S* от стандартной системы (того же периода) состоит в ином способе употребления одной или нескольких букв. Возможны следующие типовые случаи: 1) вместо некоторой буквы a_1 , требуемой при стандартной системе, в частной системе *S* регулярно употребляется другая буква (a_2); условная запись: $a_1 \rightarrow a_2$; 2) то же, но нерегулярно; запись: $a_1 \rightarrow a_1/a_2$ (или $a_1 \rightarrow a_2/a_1$, если a_2 выступает чаще); 3) в системе *S* две разные буквы стандартной системы взаимозаменяемы, т. е. выступают как графические дубликаты; запись: $a_1 = a_2$ (или, что то же, $a_2 = a_1$). Указанные явления могут быть названы “графическими эффектами” (слово “графический” в недвусмысленных контекстах опускается). Как условное обобщающее название для всех видов графических эффектов, которые могут связывать a_1 и a_2 , используется термин “смещение a_1 и a_2 ”. Подробнее о природе графических эффектов см. Лингв., § 6.

При цитировании написаний с теми или иными графическими эффектами может понадобиться указание того, какому стандартному написанию это соответствует. Для этой цели мы используем угловые скобки, например: *къне* <конь>, *водае* <вѣдаи>. В угловых скобках может быть приведена не вся словоформа, а только нужная ее часть, например: *возмете* <-ть>, т. е. <возметь>. В случае, когда подлинную

запись приводить нет необходимости, то же самое может быть представлено так: *возметѣ*); аналогично, например, *сѣло*, *вѣсть*, *уцини* вместо *сьло*, *весть*, *уцини*.

Следует в принципе различать графические эффекты, реально отмеченные в конкретном документе, и графические эффекты, характеризующие саму частную систему данного писца. Чтобы полностью выявить последние, необходим значительный объем текста. Короткого документа, скажем, единичной берестяной грамоты, для этого как правило недостаточно. Например, наблюдаемый в некоторой грамоте эффект $\bar{b} \rightarrow \bar{b}/o$ вполне может возникнуть и при наличии в частной системе писца более общего эффекта $\bar{b} = o$ (если примеров замены *o* на $\bar{b}$ из-за краткости текста случайно не встретилось).

Наблюдения над совокупностями грамот, написанных одной и той же рукой, показывают, что наиболее существенной характеристикой системы является сам факт эквивалентности двух букв, скажем, $\bar{b}$ и *o*, тогда как разновидности ее реализации ($\bar{b} = o$, $\bar{b} \rightarrow \bar{b}/o$ и даже $\bar{b} \rightarrow o$) не столь устойчивы, нередко они варьируют у одного и того же пишущего.

В принципе необходимо также различать систематическое смещение (некоторых двух букв) и редкое смещение, т. е. отдельные случаи замен на фоне господствующего стандартного распределения этих букв. К сожалению, это различие легко провести лишь для длинных текстов, скажем, для целых рукописей; для берестяных грамот из-за их краткости решение данного вопроса часто оказывается ненадежным.

Специально подчеркнем, что бытовую графическую систему никоим образом нельзя отождествлять с малограмотностью: это именно особая система, использовавшаяся в иных социальных ситуациях, чем книжная система (подробнее см. Зализняк 2002, § 5–9). Неверно также, что тексты, записанные по бытовой системе, писались небрежно. Берестяные грамоты, за исключением совсем немногих, написаны тщательно, описки встречаются в них не чаще, чем в рядовых памятниках книжной письменности³; большинство их написано — с точки зрения использованной в них графической системы — вообще безупречно, т. е. без единой ошибки.

Бытовая графическая система отличается от книжной наличием хотя бы одного из следующих явлений: 1) смещение $\bar{b}$ с *o*; 2) смещение $\bar{b}$ с *e*; 3) смещение $\bar{b}$ с *e* (и его эквивалентами) и/или с *и*. Кроме того, новгородская бытовая графическая система характеризуется наличием систематического смещения $\bar{c}$ с *ч*, тогда как в новгородской книжной письменности это смещение присутствует лишь в качестве погрешности (хотя и довольно распространенной) против общей установки писца на этимологически правильное распределение $\bar{c}$ и *ч* (подробнее см. § 1.13).

Смещение в парах $\bar{b} - o$, $\bar{b} - e$

§ 1.8. Смещение в парах $\bar{b} - o$, $\bar{b} - e$ составляет самую характерную особенность бытовой графической системы. В небольшой части случаев такое смещение в принципе могло бы отражать процесс прояснения сильных редуцированных (например, когда мы сталкиваемся с конкуренцией написаний *възьми* и *возьми* в грамотах XII в.). Однако в подавляющем большинстве случаев это смещение явно имеет чисто графический характер. Это видно из того, что оно затрагивает также слабые редуцированные (например, *поклоно*, *коне* вместо *поклонъ*, *конь*) и этимологические *o*,

³ Вот количественная оценка: в нашем словоуказателе знак (!), которым отмечаются явные ошибки и описки, встречается один раз на 75 словоупотреблений.

e (например, *четь*, *сьло* вместо *что*, *село*); кроме того, такое смешение известно и в грамотах XIV–XV вв., когда процесс прояснения редуцированных уже давно закончился. Понятно, что в этих условиях нет возможности надежно отграничить случаи, где смешение *ъ*, *ь* с *o*, *e* имеет фонетическую основу, от остальных и мы должны исходить из того, что такое смешение всегда может быть чисто графическим.

Отметим, что имеются особые точки, которых данное смешение не затрагивает: 1) *o* в составе диграфа *ou* в берестяных грамотах никогда не заменяется на *ъ*; 2) в начале фонетического слова (т. е. словоформы, взятой вместе с относящимися к ней проклитиками и энклитиками) и после гласной буквы *o* не заменяется на *ъ* и *e* (*ю*) не заменяется на *ь*. Эти ограничения в дальнейшем более не оговариваются; например, запись *o* → *ъ* фактически означает замену *o* на *ъ* лишь в рамках этих ограничений.

Примечание. Таким образом, буквы *ъ* и *ь* в принципе не пишутся после гласной (или *ъ*, *ь*). В берестяных грамотах отмечено только три отклонения от этого правила: на *ѣночььмо* 927 (где второй *ь* заменяет *ю* или *ѣ*) и *Паньтелъь* 561, *пришми ь* 737 (где конечный *ь*, по-видимому, заменяет *и*).

В безусловном большинстве случаев, когда смешение вообще есть, оно наблюдается в обоих парах (*ъ* – *o* и *ь* – *e*) сразу. Берестяных грамот, где в одной паре представлено систематическое смешение, а в другой смешение полностью отсутствует, совсем мало. При этом, однако, в рамках отдельной грамоты между характером графического эффекта в паре *ъ* – *o* и в паре *ь* – *e* нет какой-либо устойчивой корреляции. Например, наряду с комбинацией эффектов *ъ* → *o*, *ь* → *e* вполне возможна также комбинация *ъ* → *o*, *e* → *ь* или *ъ* → *o*, *ь* = *e*, в разных парах может быть различна интенсивность смешения и т. п.

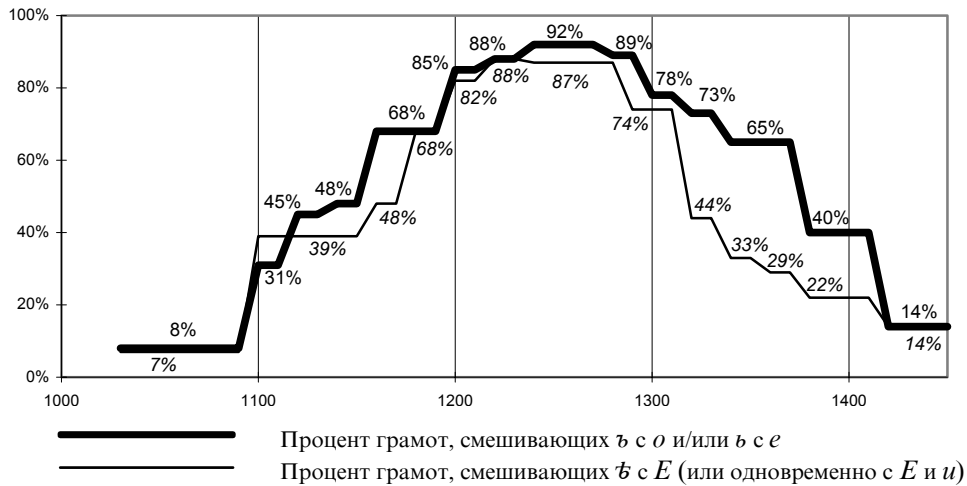
Вопрос об исторической эволюции графического смешения *ъ*, *ь* с *o*, *e* рассмотрен в Лингв., § 11–16 и Зализняк 2002, § 21–22. Приведенная в Лингв. (с. 102) сводная таблица 2 наглядно демонстрирует эту эволюцию на материале всего известного в тот момент корпуса берестяных грамот. В настоящее время материал уже богаче (особенно в ранне-др.-р. части); имеются также коррективы в чтениях, датировках и т. п. Но общий характер картины, представленной в этой таблице, не изменился. Несколько изменились лишь частности.

Так, расширение ранне-др.-р. материала показало, что смешение *ъ*, *ь* с *o*, *e* появилось раньше и распространялось в бытовой письменности XI–XII вв. несколько быстрее, чем позволял думать прежний материал. Известные ныне древнейшие документы с таким смешением — это надпись *мечьни[ч]ь Лазорево мѣхо* (XI₁, см. А 26) и берестяные грамоты № 613 (сер. XI), блок 905+908+910 (XI/XII), № 752 (XI/XII); отметим также чуть более позднюю грамоту № 644 (10-е – 20-е гг. XII).

Нет необходимости приводить здесь модернизированный вариант таблицы 2 из Лингв. Приводим вместо этого диаграмму, показывающую, как изменяется во времени процент берестяных грамот со смешением *ъ* с *o* и/или *ь* с *e* (систематическим или хотя бы редким). При подсчетах использовано условное отнесение каждой грамоты к одному из отрезков (как правило 20-летних) хронологической шкалы; см. об этом НГБ X: 135–136. Блок грамот во всех подсчетах составляет одну единицу, т. е. приравнивается к отдельной грамоте. Проценты исчисляются от общего количества грамот (соответствующего периода), содержащих какой-либо показательный материал по этимологическим *ъ, *ь. Грамоты, где вопрос о наличии или отсутствии смешения спорен (например, № 84, 603, 417, 135), из рассмотрения исключены; на итогах подсчетов это почти не отражается. Исключены также те грамоты (весьма немногочисленные), где *ь* смешивается с *ѣ* при отсутствии смешения *ь* с *e* и/или *ъ* с *o*.

На этой же диаграмме дан также график смешения *ѣ* с *Е* (т. е. с буквами, передающими в той же грамоте фонему /e/; реально это может быть *е* и/или *ь*). Он очень похож на график смешения *ь, ъ* с *о, е*; комментарии по этому поводу см. в § 1.9.

Диаграмма I.

СМЕШЕНИЕ *ь, ъ* с *о, е* и *ѣ* с *Е*

Специально подчеркнем, чтобы снять иллюзию полной точности, которую создает указание процентов, что здесь и в других подобных диаграммах или таблицах речь идет лишь о приблизительной оценке ситуации — хотя бы потому, что в малых фрагментах надежно определить графическую систему нельзя (не говоря уже об элементе условности в распределении грамот по хронологическим рубрикам). Фактически процент грамот со смешением у нас везде несколько занижен против реальной ситуации в берестяной письменности, поскольку какая-то часть тех малых фрагментов, где не встретилось случаев смешения, происходит от таких документов, где смешение всё-таки было. Иначе говоря, приводимые цифры процентов следует понимать как “не менее, чем столько”.

Но для нас существен лишь общий характер кривой, а он здесь весьма выразителен. Видно, что рассматриваемый тип графических эффектов появляется очень рано — уже в XI в. В XII в. он быстро распространяется, в XIII в. достигает максимума. В XIV в. начинается отступление в сторону написаний стандартного типа. И только в XV в. грамоты со смешением снова оказываются становятся редкостью. Подробнее об этой эволюции и ее предполагаемых причинах см. Лингв., § 14–16.

Вопрос о *ѣ*

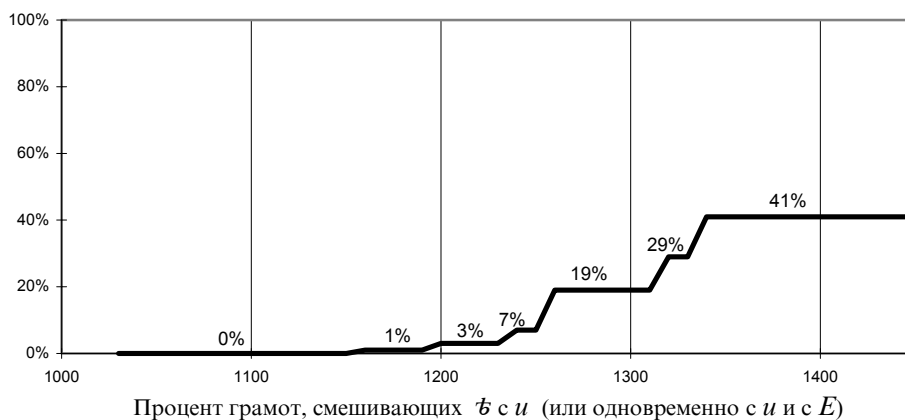
§ 1.9. Другая характерная особенность бытовой системы письма — смешение буквы *ѣ* с *е* (и заменяющим его *ь*) и/или с *и*. При этом, однако, природа этих двух типов смешения различна: смешение *ѣ* с *и* отражает фонетический переход [ê] > [и], тогда как смешение *ѣ* с *е* (или *ь*) в общем случае носит чисто графический характер (тем самым даже если в каких-то говорах происходил переход [ê] > [e], графика берестяных грамот не позволяет это надежно выявить). Аргументы в пользу именно такой интерпретации этих двух типов смешения см. в Лингв., § 19 (некоторые из них изложены также ниже); ср. еще § 2.15 и 2.31.

Отметим, что в позиции после [j] поведение *ѣ* может носить особый характер. Так, даже в грамотах, где в прочих позициях *ѣ* всегда пишется этимологически правильно, сочетание [jѣ] может быть передано через *ѣ* или *е*. С другой стороны, в грамотах, где в прочих позициях вместо *ѣ* пишется *и*, в сочетании с [j] вместо *ѣ* может стоять не *и*, а *ѣ* или *е* (как и в первом случае). По-видимому, в позиции после [j] противопоставление фонем /e/ и /ĕ/ могло нейтрализоваться в пользу /e/. Соответственно, из разбора вопроса о *ѣ* данная позиция должна быть исключена.

Приведенная в Лингв. (с. 107) таблица 3 содержит перечни берестяных грамот (каждого периода), где соблюдается этимологически верное написание *ѣ* и где *ѣ* смешивается с *и* и/или с *Е* (т. е. с буквами, передающими /e/, см. выше). Как и в случае со смешением *ѣ*, *ь* с *о*, *е*, ныне материал пополнился (прежде всего в ранне-др.-р. части), но общая картина изменилась лишь незначительно.

Имеющиеся ныне данные о смешении *ѣ* с *Е* и с *и* отражены двумя графиками. Смешение *ѣ* с *Е* показано на диаграмме I в § 1.8; смешение *ѣ* с *и* — на диаграмме II (ниже). В подсчеты включены только грамоты из Новгорода и Старой Руссы (поскольку в других регионах поведение *ѣ* могло быть иным). Как и в § 1.8, в подсчеты не включены те грамоты, где *ѣ* смешивается только с *ь* при отсутствии смешения *ь* с *е*. Не рассматривается как проявление смешения *ѣ* с *Е* запись последовательности /jĕ/ через *ѣ* или *е* (см. выше), а также запись через *ѣ* продукта прояснения сильного *ь (см. § 2.27). Проценты в принципе исчисляются от общего количества грамот (соответствующего периода), где есть хотя бы одна точка с этимологическим *ѣ (не считая *ѣ после /j/). Но в подсчетах по смешению *ѣ* с *Е* (диаграмма I) исключены из рассмотрения грамоты с эффектом *ѣ* → *и* (поскольку в них уже не остается точек, где могло бы проявиться графическое смешение *ѣ* и *Е*).

Диаграмма II.

СМЕШЕНИЕ *ѣ* с *и*

Как видно из диаграмм I и II, кривая интенсивности смешения *ѣ* с *и* совершенно не похожа на кривую интенсивности смешения *ѣ* с *Е*.

Ранее 2 пол. XII в. смешения *ѣ* с *и* нет вообще. В период XII₂–XIII₁ такие примеры еще единичны; см. о них § 2.31. С середины XIII по середину XIV в. доля грамот, смешивающих *ѣ* с *и*, сравнительно быстро нарастает, после чего более или менее стабилизируется. Такая картина вполне соответствует гипотезе о том, что данное смешение отражает появление и постепенное распространение фонетического изменения [ĕ] в [i] (охватывающего, однако, не все говоры диалекта).

Напротив, смешение *ѣ* с *Е* наблюдается с самого начала письменной традиции, а кривая его развития образует “горб”, т. е. имеет восходящую и нисходящую часть. Максимум смешений приходится на XIII в. В XIV в. процент смешений начинает заметно падать, а в XV в. опускается уже очень сильно. Из диаграммы I непосредственно видно близкое сходство этой кривой с кривой смешения *ѣ, ъ* с *о, е*. Разница лишь в деталях; в главном же перед нами одна и та же кривая, и это в сущности не что иное, как кривая употребительности бытовой графической системы.

Как и следует ожидать при таком сходстве кривых, в конкретной берестяной грамоте смешение *ѣ, ъ* с *о, е* и смешение *ѣ* с *Е* чаще всего либо оба присутствуют, либо оба отсутствуют; отклонения от этого соотношения сравнительно немногочисленны. С другой стороны, между смешением *ѣ, ъ* с *о, е* и смешением *ѣ* с *и* никакой корреляции, даже приблизительной, нет.

Следует предполагать, таким образом, что уже с XI в. для фонемы /*ê*/ существовало два способа письменной передачи — *ѣ* (основной способ) и *е* (допустимый дополнительный способ). В книжной письменности обычно (хотя всё же не всегда) использовался основной способ, в бытовой письменности применялись оба (в разных соотношениях в разные периоды). В системе с графическим смешением *е* и *ѣ* допустимым способом передачи /*ê*/ оказывался, разумеется, и *ѣ*.

В эпоху, когда в части говоров начался переход [*ê*] > [*и*], носители таких говоров уже могли писать, непосредственно передавая звучание, *и* на месте этимологического *ѣ*. Но в их речи нередко существовало также и [*ê*] — либо в каких-то позициях, где перехода [*ê*] > [*и*] не было, либо просто в результате свободного варьирования [*ê*] и [*и*] в соответствии с исходным *ѣ. Такое [*ê*] записывалось по общим правилам, т. е. в виде *ѣ* или *е*. В результате возникали записи, где на месте *ѣ написано то *и*, то *е* (в т. ч. иногда и в одинаковой позиции), или то *и*, то *ѣ*, или даже то *и*, то *е*, то *ѣ*; примеры для этих вариантов: блок 219, блок 354, грамота 689 (см. Б 117, Г 25, 46).

Понятно также, что в условиях начавшегося перехода [*ê*] > [*и*] за написанием *ѣ* может стоять не только [*ê*], но и [*и*] — если писавший просто использовал (хотя бы иногда) книжные орфограммы. У носителей говоров, где [*ê*] дало [*и*], представление о том, что на месте [*и*] иногда следует писать *ѣ*, легко могло приводить к гиперкорректным написаниям типа *Грѣѣгориа*. Отсюда наблюдаемые в ряде поздних грамот эффекты *ѣ = и, и → ѣ/и* (см., например, грамоты № 131, 366 — Г 69, 60). Очевидно, у авторов таких документов сложилось уже новое представление о звуковом значении буквы *ѣ*: для них *ѣ* — это уже не знак для [*ê*], как прежде, а один из знаков для [*и*] — наряду с *и* и *і*.

Смещение *ѣ* и *ѣ*, одноеровое письмо

§ 1.10. Особый графический эффект, встречающийся только в древнейших берестяных грамотах, — замена *ѣ* на *ѣ*, т. е. принцип так наз. одноерового письма (при котором из двух еров употребляется лишь один — в данном случае *ѣ*). Почти все ныне известные грамоты с эффектом *ѣ → ѣ* относятся к XI – 1 трети XII в.; это № 527, 109, 907, 745, 586, 900, 380, 877/572, Свинц. 1. Лишь одна грамота немного позднее (№ 821, сер. XII в.). Примеры написаний с данным эффектом: *почьноу* ‘начнут’ 527, *Пльскове* ‘во Пскове’ 109, *татѣѣ* 907, *присловѣа* 745, *възьми* Свинц. 1.

В одной из перечисленных грамот (№ 877/572) начертание буквы, употребляемой на месте *ѣ* и *ѣ*, двусмысленно: оно может быть интерпретировано как *ѣ* или как *ѣ*; см. Б 22.

Эффект $\text{ь} \rightarrow \text{ѣ}$ в нормальном случае не сочетается со смешением ѣ, ѣ с о, е : он характерен для более ранней фазы развития бытового письма. Имеется, однако, одна грамота (№ 866, 2 четв. XII в.), соединяющая элементы обоих этих принципов; она отражает фазу перехода от одного из них к другому (см. Б 5).

Существовал ли системный графический эффект $\text{ь} \rightarrow \text{ѣ/ѣ}$, не вполне ясно. Несколько примеров с ѣ в грамотах № 105, 241, 246, на основании которых мы ранее предполагали для этих грамот данный эффект, при последующей корректировке чтений оказались иллюзорными (см. Попр.–IX, № 105, 241, 246). Относительно написаний *възьмь* 246 и *Рожьнѣтови* 336 см. А 29, Б 1.

Эффект $\text{ь} \rightarrow \text{ѣ}$ хорошо засвидетельствован в ряде древнейших надписей; ср., например, *мецьницъ* в надписи на цилиндре № 5 (А 26), также в надписях на стенах новгородского Софийского собора: *пѣсаль* (Медынцева 1978, № 39, 46, 52 и др.), *грѣшньши* (в разных формах; № 52, 60, 62, 112 и др.), *възьри* (№ 64), *Жабъчевичъ* (№ 87), *тъцъно* (№ 128), *осеньсъ, весн[оу]съ* (№ 146), *отъцъж* (№ 175) и др.

Целиком написан по одноеровой системе найденный в 2000 г. Новгородский кодекс (на навощенных табличках) 1 четверти XI в. Он служит прямым свидетельством того, что в начальный период русской письменности одноеровая система имела на Руси широкое распространение. Но уже во 2 пол. XI в. в др.-р. книжной письменности эта система была вытеснена двуеровой, более соответствующей др.-р. фонологической системе (подробнее см. Зализняк, Янин 2001). Берестяная письменность сохраняла в этом отношении, как и во многих других, древнее состояние много дольше, чем книжная.

Особенности передачи некоторых фонем

§ 1.11. Для передачи ряда фонем в берестяных грамотах в разные периоды используются разные графемы (или одни и те же графемы, но в разных статистических соотношениях). Тем самым соответствующие элементы графической системы приобретают определенное хронологическое значение.

К данной группе относится прежде всего фонема /y/. Для передачи этой фонемы (в позиции после твердой согласной или в начале слога) в принципе могут использоваться: *оу, уо, ѣ, у, ж, ѣ*. Диграф *оу* иногда выступает в виде лигатуры, в которой *о*, часто уменьшенное, “прилипает” слева к *у* (при этом *у* может даже лишиться своей левой части). Трудно сказать, функционировало ли это “слитное *оу*” как особая графема (в настоящей работе оно передается так же, как обычное *оу*, но данная особенность отмечается в комментариях к грамотам во второй части книги).

Рассматривая вопрос о передаче /y/, следует различать: 1) позицию в начале слова и после гласной (включая ѣ, ѣ); 2) позицию после согласной.

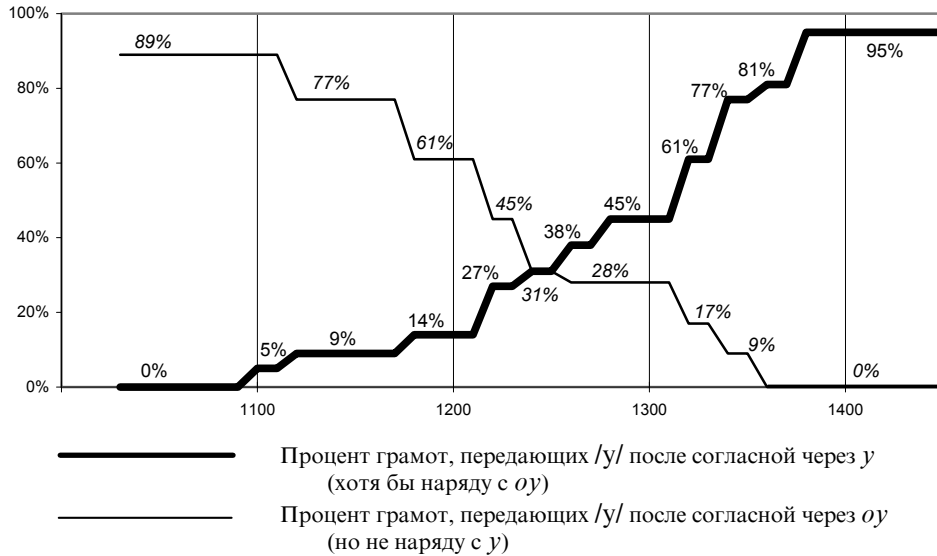
Двумя основными способами передачи /y/ являются *оу* и *у*. В позиции 2 (которая встречается чаще) в XI–XII вв. господствует *оу*, в XIV–XV вв. — *у*; при этом с ходом времени процент *оу* плавно понижается, а процент *у* плавно возрастает. Самые ранние примеры *у* в нынешнем корпусе грамот — *Смольньску, грамотичу* 424 (1 четв. XII); прочие примеры 1 пол. XII в.: *по толику* 892, *на Нустуе* 336, *круживо* 866, *сему, диаку, църквную* 739, *силу, Лукою, Гурьгьмь* 487, *Дъмьану, еду, везу* Ст. Р. 6; далее уже можно не перечислять.

Динамика соотношений между *оу* и *у* в позиции 2 показана на диаграмме III. Грамоты, где в данной позиции встречается как *оу*, так и *у*, присоединены к катего-

рии употребляющих *y*. К категории примеров с *ou* присоединены примеры с *yo* (весьма немногочисленные); но *ou* слитное, которое занимает как бы промежуточное положение между *ou* и *y*, из подсчетов исключено.

Диаграмма III.

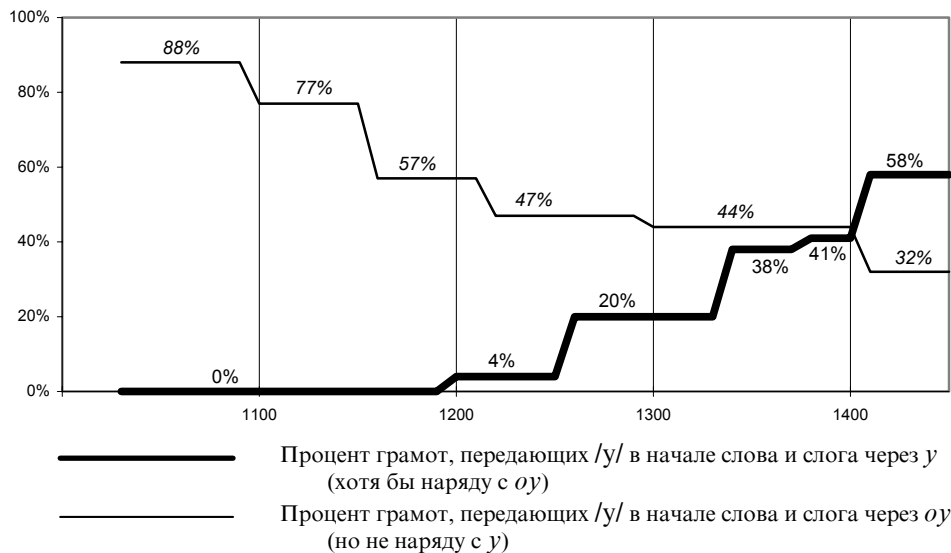
***ou* и *y* ПОСЛЕ СОГЛАСНОЙ**

В позиции 1 распространение *y* за счет *ou* идет гораздо медленнее; лишь в самых поздних берестяных грамотах (XV_1) *y* уже превосходит *ou* по частоте. Самые ранние примеры начального *y* содержатся в грамоте 108 (XII/XIII): *y* (предлог, 4 раза). Эту эволюцию демонстрирует диаграмма IV (принципы учета материала в ней те же, что в диаграмме III).

Диаграмма IV.

***ou* и *y* В НАЧАЛЕ СЛОГА**

Специально отметим, что здесь и во всех дальнейших подсчетах в § 1.11–12 не принимаются во внимание азбуки (поскольку они могут и не соответствовать реальному узусу своей эпохи).

Третий способ передачи /y/ — буква *ŷ* (по происхождению лигатура букв *o* и *v*). Она в равной степени употребительна в позициях 1 и 2. Буква *ŷ* известна с самого раннего времени, но в ранне-др.-р. период встречается еще относительно редко. Наибольшее распространение буква *ŷ* достигает во 2-й половине XIII в. В XIV в. частота употребления *ŷ* вновь падает, в XV в. это уже весьма редкая графема. Эволюцию употребления буквы *ŷ* в берестяных грамотах демонстрирует диаграмма V. Она отражает позиции 1 и 2 вместе, а именно показывает процент грамот, где для передачи /y/ используется (в какой бы то ни было позиции) буква *ŷ*.

Диаграмма V.

УПОТРЕБЛЕНИЕ БУКВЫ *ŷ*

Как можно видеть, кривая употребительности *ŷ* по своему общему характеру довольно похожа на кривые смещения *ъ*, *ь* с *o*, *e* и смещения *ѣ* с *E* (см. диаграмму I), т. е. именно этот способ передачи /y/ в наибольшей степени коррелирован с самыми яркими признаками бытовой графической системы.

Прочие способы передачи /y/ носят второстепенный характер. Графема *ж* встречается (в какой бы то ни было позиции) только в XI – 1 пол. XIII в. (около 30 грамот). В нормальном случае это эквивалент *ou* (*y*, *ŷ*); но в двух грамотах *ж* выступает как эквивалент *ю*: *ж* 'еѣ' 745 (1 четв. XII), *[n]eродо собож* 150 (XII/XIII). См. также Б 77 об употреблении буквы *ж* как эквивалента для *ou* в грамоте 662/684.

Особая графема *ѡ* отмечена в грамотах 903 (XI/XII) и 151 (2 четв. XIII), а также в азбуке 778 (нач. XIII). Из азбуки 778, где содержится и *ѡ*, и *ѡ*, видно, что эти две единицы функционировали как самостоятельные графемы (а не как варианты одной и той же графемы).

Диграф *yo* встречается (в разных позициях) в немногих грамотах (разных эпох): 120, 422, 943, Ст. Р. 14, 765, 927, 482+480, 99 (менее надежен материал фрагментов 593 и 80).

В силу более устойчивого сохранения диграфа *ou* в позиции 1 в большом числе грамот наблюдается характерное соотношение: *ou* в позиции 1 ~ *y* в позиции 2. Встречаются, хотя и намного реже, также и некоторые другие соотношения этих двух позиций, в частности: *ж* ~ *ou* (789, 548, 379, 462, 662/684, Ст. Р. 16+18, непосле-

довательно 736б, 799; см. также Б 39); $\delta \sim ou$ (блок 685, блок 115, 508а, 688, 935, Звен. 2, непоследовательно 155, 153); $\delta \sim y$ (142, 395, непоследовательно 124).

В заметной части грамот в выборе средств передачи /y/ наблюдаются колебания (даже в рамках одной и той же позиции).

§ 1.12. Прочие фонемы (или их сочетания), передача которых имеет хронологическое значение, таковы.

Сочетание /je/. Специальная графема, предназначенная для его передачи, т. е. κ , употребляется далеко не всегда. В ранне-др.-р. период в берестяных грамотах для этой цели почти всегда используется простое e (иначе говоря, имеет место эффект $\kappa \rightarrow e$). Исключение составляют только грамоты 9, 105, 170, 807, 227, 400, 427, 437, 493, 878 (в каждой из них κ встретилось всего один раз, причем в № 9, 105, 227 — наряду с записью /je/ через e). С середины XIII в. графема κ начинает употребляться более активно. В XIV в. ее употребительность быстро растет. В XV в. примеры e вместо κ уже носят характер редких исключений.

В нескольких поздних грамотах в качестве эквивалента для κ выступает графема e . Она представлена в виде так наз. e якорного в грамотах 929, 53, 272, 128 (все XIV в.) и в виде так наз. e широкого в грамоте 496 (XV₁).

Сочетание /ja/. Предназначенная для его передачи графема μ до конца XIII в. в берестяных грамотах почти не употребляется: вместо нее используется α . В ранне-др.-р. период она отмечена только в грамотах 789 (XI) и 400 (XII/XIII). Некоторое распространение графема μ получает с XIV в. Во 2 пол. XIV и в XV в. ее употребительность заметно растет. Однако, в отличие от κ , графема μ даже и в эту эпоху не получает полного господства.

Эволюцию употребления букв κ и μ в берестяных грамотах демонстрирует диаграмма VI.

Диаграмма VI.

УПОТРЕБЛЕНИЕ БУКВ κ И μ

Замены буквы o в начале фонетического слова и после гласной буквы (в т. ч. $\bar{o}$, $\bar{u}$). В ранне-др.-р. период в берестяных грамотах во всех позициях используется единая графема o ; противопоставления « o узкое — o широкое» еще нет (если не считать

написанной по-книжному грамоты церковного характера Смол. 10 [XII/XIII], где встретились ω и ϑ . Буква ω в нормальном случае используется лишь в составе лигатуры $\bar{\omega}$; отклоняются только $\omega\text{ть}$ (компромисс между конкурирующими написаниями $\omega\text{ть}$ и $\bar{\omega}$) в № 109, 424, 901, Смол. 9 и $\bar{\omega}$ 'Иоанн' (традиционная книжная орфограмма) в двух грамотах церковного характера (№ 553 (2×), 508a); в конце ранне-др.-р. периода появляется первый пример с ω , предвосхищающий более поздний узус: $\omega\text{ко}$ 'как' 934 (менее надежен пример $\omega\text{ черевии}$ 926, см. Б 94).

В средне-др.-р. период в берестяные грамоты из книжной письменности проникает практика использования нескольких графем вместо прежнего единого o , а именно, в позиции не после согласной вместо o начинают употребляться другие графемы — ω , $\circ$ (o широкое) или ϑ (o очное; изредка встречается также в варианте ϑ). В заметном количестве эти графемы отмечаются примерно с середины XIII в. Их употребительность быстро растет. Со 2-й четверти XIV в. новые системы уже господствуют. С последней четверти XIV в. старая система уже почти не встречается. В системе с $\circ$ (ϑ) прежние o получает новый статус: o узкое. В рамках отдельной грамоты o узкому обычно противопоставлено что-то одно: ω , $\circ$ или ϑ ; но имеются и примеры колебаний (особенно между $\circ$ и ϑ). Эволюцию употребления букв ω , $\circ$, ϑ в берестяных грамотах демонстрирует диаграмма VII.

Диаграмма VII.

УПОТРЕБЛЕНИЕ БУКВ ω , $\circ$, ϑ

Буква i . В ранне-др.-р. период в берестяных грамотах эта буква употребляется (не в качестве цифры) редко. Мы находим ее прежде всего в грамотах церковного характера (т. е. там, где естественно влияние книжной нормы): *Проконий*, *Гьорьгий* 559, *Сихайль* 734 (3×), $\bar{\omega}$ 553 (2×), 508a, $\bar{\tau}$ 553, $\bar{\imath}$ 734; сюда же крайне редкий случай употребления i после согласной (на переносе) — *шестокрїленаа* 549. В обычных грамотах можно указать: *оу Ньжсатькинъ* Ст. Р. 13, *оу Поутоковъ* 630, *попытай*, *въдаї* 846, *їхъ*, *їмъ* 855, *трї* (2×), *отъ Іли* 776, *водаї* 79, *Мафеї* 717, *їли* 676, *ї* 'и' 630 (2×), 228, *ї* (2×) 776, *Дан[ї]*... Ст. Р. 16. В XIII в. эта ситуация в основном еще сохраняется. С начала XIV в. буква i начинает употребляться чаще; она факультативно заменяет u в позиции после гласной и в начале слова (после согласной i почти не встречается). Однако даже и в поздних грамотах в этой позиции в целом чаще выступает u , чем i .

Особый вопрос составляет передача [j] в конце слога (т. е. перед согласной или на конце слова). В нормальном случае для этого служит u или i . Но в берестяных

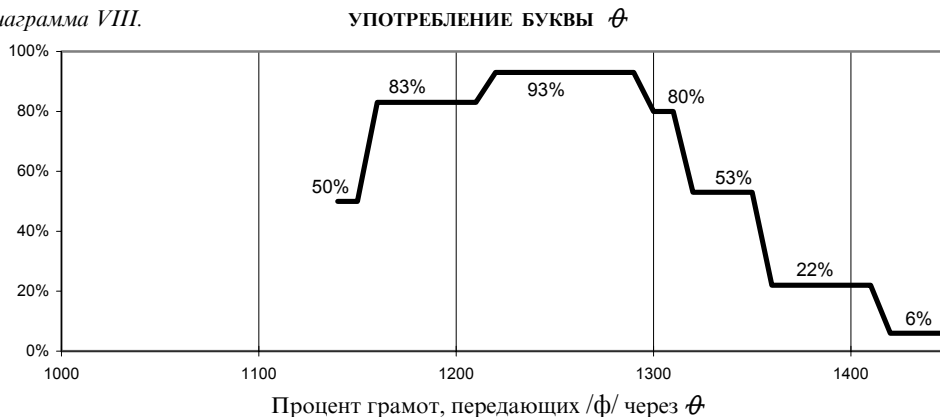
грамотах (равно как и в некоторых рукописях) для этого может использоваться также *e* (или *ю*), например: *въдае* <вѣдаи> 566, 113 и др., *дае* <даи> Звен. 2, *поемете* <поиметь>, *ко нее же* <къ неи же> 705, *скуеть* <скуите> 411, *Шюкга* <Шюига> 477 (см. также § 2.28).

Данный эффект прозрачным образом связан со смешением *ь* и *e*: в системе, где [л'] может записываться одинаково с [л'е], [ш'] — одинаково с [ш'е] и т.д. (например, *соле* <-ль> и *поле*, *наше* <-шь> и *наше* <-ше>), естественно, чтобы и [j] могло записываться одинаково с [je], т. е. через *e*.

Запись [j] в конце слога через *e* наиболее характерна для грамот XII и I четв. XIII в., причем в основном таких, где имеется смешение *ь*, *ь* с *o*, *e*. В этот период в грамотах с таким смешением запись [j] в конце слога через *e*, а не через *и*, представлена примерно в 30% случаев. В XIII – I четв. XIV в. этот процент снижается почти вдвое. Для более позднего времени из надежных примеров можно указать только *мък* <мои> 580 (сер. XIV) и *Шюкга* 477 (XIV₂). Для грамот, не смешивающих *ь*, *ь* с *o*, *e*, запись [j] через *e* — очень большая редкость. Таково положение в грамотах 438 и 609 (возможно, еще в 566, 821, 113); все они относятся к ранне-др.-р. периоду.

Буквы *ѣ* и *ѣ*. Для передачи фонемы /ѣ/ (встречавшейся только в заимствованных словах), в берестяных грамотах используются буквы *ѣ* и *ѣ*. В небольшой части случаев выбор между ними мог определяться книжной традицией, требовавшей следовать в этом пункте за греческим первоисточником. Сюда можно отнести прежде всего ранние примеры *Филипа* 913, *Маръѣ[ы]* 914 (в церковных грамотах XI в.) и *ѣ Ефрѣма*, *съ Асаѣмъ* 605 (I треть XII, письмо монаха). Но в основной массе берестяных грамот в выборе между *ѣ* и *ѣ* связи с этимологией не усматривается; просто в одни периоды предпочитается *ѣ*, в другие — *ѣ*. Эволюцию этих предпочтений демонстрирует диаграмма VIII. График показывает изменение употребительности буквы *ѣ*; у буквы *ѣ* эволюция, соответственно, противоположна. (График дан лишь начиная с середины XII в., поскольку для более раннего времени нет достаточно показательного материала.)

Диаграмма VIII.

Как можно заметить, кривая употребительности буквы *ѣ* принадлежит к тому же типу, что у смешения *ь*, *ь* с *o*, *e* и смешения *ѣ* с *E* (диаграмма I), а также у графемы *ѣ* (диаграмма V): у нее есть восходящая и нисходящая часть и максимум достигается в XIII в. Иначе говоря, употребление буквы *ѣ* входит в число наиболее характерных признаков бытовой графической системы.

§ 1.13. Отметим также некоторые графические явления, не имеющие хронологического значения.

Смещение *ц* и *ч*. В берестяных грамотах (всех периодов) как правило присутствует та или иная форма смешения *ц* и *ч*: чаще всего *ч* → *ц* или *ч* = *ц*, реже другие разновидности (например, *ц* → *ч*). Понятно, что данное смешение носит иной характер, чем, скажем, смешение *ь* и *о*, поскольку в др.-новг. диалекте фонемы /ц'/ и /ч'/ совпали. Соответственно, этимологически правильное написание букв *ц* и *ч* в Новгороде могло достигаться лишь с помощью специальных орфографических правил. Книжные писцы такими правилами действительно владели (одни лучше, другие хуже). Поэтому в новгородской книжной письменности смешение *ц* и *ч* хотя и встречается, но всё же почти всегда лишь на фоне в основном этимологически правильного распределения этих букв, т. е. в качестве орфографических погрешностей. Отличие бытовой письменности от книжной состоит в данном случае в том, что писавшие по-бытовому, насколько можно судить, вообще не имели установки на какое-либо регламентированное распределение букв *ц* и *ч*, а использовали их как полные графические дублеты. См. также Б 56 (блок 685) о случаях использования компромиссного написания **ц**, похожего одновременно на **ц** и на **ч**.

Смещение *ы* и *ь* (обычно в форме замены *ы* на *ь* — факультативной или даже регулярной). Эта особенность встречается (хотя и довольно редко) в берестяных грамотах разных периодов. Примеры: *3 гривнь <-ны>*, *съ близокъ <-кы>* 907 (XI/XII), *друзьхо <-гыхъ>* 662/684 (XII), *мь <мы>* 361 (XIV/XV), *ть <ты>* 19, 122 (XV), *мьла <мыла>* 129 (XV) и т. п. (см. также Лингв., § 23).

О возможности употребления буквы *ц* вместо сочетания *шк* (например, *Тимоци* на вместо *Тимошкина*) см. § 2.10.

Здесь следует упомянуть также некоторые графические особенности, перешедшие в берестяную письменность непосредственно из книжной. Одна из них состоит в том, что перед [j] + гласная (т. е. на буквенном уровне перед *е*, *ӗ*, *а*, *я*, *ю*, *и*, *й*) вместо *ь* может писаться *и*, например, *коробиа*, *коробию*, *коробиш*, наряду с *коробья*, *коробью*, *коробьи*. Это верно как для раннего периода (когда буква *ь* еще передавала гласную), так и для позднего (когда она стала простым знаком мягкости).

Ситуация осложнена, однако, тем, что за написанием *и* в части таких случаев могло всё же стоять и произношение с [и] (соответствующее книжной норме). Так, в ранне-др.-р. период написания с *и* встречаются в основном в текстах (или словах) с церковно-книжной окраской, например: *покланяние* (часто), *Възнесеня* 914, *Исоухиѣ* (Д. ед.) 605, *погрѣбание* 681, *добродѣяна* 627, *ѣ игоумение къ Офросение* 717 и т. п. (см. также списки имен в церковных поминаниях или заказах на иконы — Б 45, 46, 141). В большинстве этих случаев можно предполагать произношение с [и] (хотя отчасти такие написания могут отражать и влияние книжных орфограмм). Но даже и в церковных грамотах находим и такие написания, как *Възвизенье*, *Обрѣзанье*, *Крѣцнѣ*, *Дьмитрю* 913 (XI), *Василья* 906 (XI). В обычных (не церковных) ранних грамотах, в т. ч. и в грамотах XI в., заметно преобладают написания с *ь*, например, *третьѣѣ* 526, *бьзоумьель*, [из] *оцью* 752, *Прокопѣ* 736, *Захарья*, *людье* 724 и т. п.; написания типа *лодия* 745, *чьреви* 893, *възогьловіе* 429, *полудие* 226 сравнительно редки. Примечательно, что в поздних грамотах доля написаний с *и* вместо *ь* (типа *коробиа*, *братиа*, *третьего*) в обычных (не имеющих церковно-книжной окраски) контекстах не меньше, а больше, чем в ранних; это лишний раз подчеркивает условность таких написаний.

Заметим, что при наличии в грамоте дополнительных графических эффектов конкуренция написаний типа *третье* и типа *третье* может оказаться так или иначе замаскированной: ср., например, *присловѣа* 745 (эффект *ь* → *ѣ*), *третье* 601 (эффект *ь* → *е*), *Жабѣа* 249 (эффект *и* → *ѣ*, ср. рядом *Жабиа*).

Еще одна особенность, проникшая в берестяную письменность из книжной, — возможность написания *оу* (*у*) и *а* вместо *ю* и *я* после шипящих и *ц* (никак не связанная с твердостью или мягкостью этих согласных, ср. § 2.54). Так, уже в древнейших берестяных грамотах находим, например, написания *хъчоу* 613, *сѣжоу* 902, *кѣнажоу* 907, *Горьгевицоу* 119, *кожоухъ* 586, *на погоцахъ* 526, *прашалъса* 605, *Нежате* 742 — наряду с *Стѣпанъцоу* 241, *Нѣжатиѣ* 644, *зидьница* 562 и т. п.

Скандирование и сходные эффекты

§ 1.14. В берестяных грамотах иногда встречаются особые приемы записи, связанные с более широким, чем обычно, употреблением гласных букв (в число которых входят и *ѣ*, *ь*).

Так, скандирующий принцип записи (или, иначе, эффект скандирования) состоит в том, что за любой согласной буквой на письме должна следовать гласная буква (в число таковых считаются входящими также *ѣ* и *ь*). Если на фонетическом уровне гласной нет (т. е. если перед нами конечная или предконсонантная согласная), то пишется *ѣ* или *ь* (в бытовой графической системе соответственно *о* или *е*) — в зависимости от твердости или мягкости согласной. Пример: *дорѣгаа соторона* ‘другая сторона’ 390. Понятно, что при последовательной реализации скандирующего принципа на письме оказывается обозначенной твердость или мягкость каждой согласной в слове.

На практике, правда, скандирующий принцип обычно реализуется не совсем последовательно: некоторые сочетания согласных всегда или хотя бы иногда остаются в обычном виде (чаще других это касается сочетаний *ст*, *ск*, *сп* и сочетаний типа «согласная + л или р»). См., например, блок 390, грамоты № 501, 497, 366 (В 35, Г 32, 37, 60).

Силлабо-скандирующий принцип отличается от скандирующего тем, что *ѣ*, *ь* (или *о*, *е*) пишутся не после всякой предконсонантной согласной, а лишь после такой, которая заканчивает слог. Этот принцип тоже обычно реализуется на практике не совсем последовательно. См., например, грамоту Пск. 6 (В 39).

Скандирующий и силлабо-скандирующий принцип встречается преимущественно в рамках бытовой графической системы.

Мягкостный (или полускандирующий) принцип отличается от скандирующего тем, что внутри словоформы описанный выше принцип записи проводится только для мягких согласных, но не для твердых. Разумеется, и здесь возможна не вполне последовательная реализация. См., например, грамоту № 69 (В 37).

Изредка встречается также особый тип скандирования, отличающийся от основного тем, что в качестве “немых” гласных, вставляемых после согласных, выступают не *ѣ* (или *о*) и *ь* (или *е*), а соответственно *ы* и *и*. Это так наз. скандирование через *ы/и*: примеры: *възмитиѣ* ‘возьмите’ 219 (*зи* вместо *зь*), *овиса* ‘овса’ 50 (*ви* вместо *вь*), *своим[ы]* ‘своим’ Пск. 7 (*мы* вместо *мь*). Для берестяных грамот данный эффект малохарактерен, но сама возможность его широкого проявления доказывается староукраинской грамотой 1393 г., где на месте *ь* последовательно выступает *и* (см. Молдован 2000б: 268, грамота А 28).

Орфографические явления

§ 1.15. Бытовой письменности не чужды также элементы собственно орфографической регламентации, т. е. правил выбора какого-то одного написания из нескольких равно допустимых с точки зрения графики (а в особых случаях — даже написания, противоречащего правилам графики), хотя, конечно, таких элементов здесь меньше, чем в книжной письменности. Так, например, орфографическими являются правила выбора между *ou* и *y*, или между *o* и *ω*, или между *i* и *i*, соблюдаемые в определенной части берестяных грамот.

Специально отметим орфографическое правило, требующее написания *ѡ* для предлога (и приставки) ‘от’. Такое написание широко применяется уже в XI в., но обязательным становится лишь позднее. В XI–1 пол. XII в. еще 28% грамот сохраняют древнейшее написание *отъ* в составе адресной формулы. Во 2 пол. XII – 1 четв. XIII в. доля таких грамот падает до 14%. В поздне-др.-р. период для предлога написание *отъ* отмечено лишь однажды — в № 709, сер. XIII (написания *ото*, *отъ* не в счет).

К числу орфографических явлений относятся также используемые в берестяных грамотах приемы сокращения записи — те же, что в книжной письменности, например, *Бъ* ‘Бог’, *снѣ* ‘сын’, *грѣна*, *гр^нна* или *грѣна* ‘гривна’, *бра^тна* ‘братья’ и т. п.

Особого упоминания требует малоизвестный прием сокращенной записи слов с основами *оспод-*, *осподин-*, *оспож-*, а также *осмь*. Основы *оспод-*, *осподин-*, *оспож-* могли записываться с помощью условных орфограмм *гд* (*г^сд*), *гн* (*г^сн*, *г^сни*), *гж* (*г^сж*), где *г* уже не соответствовало произношению, например, *гнѣ* могло заменять полную запись *осподине*. При этом начальное *o* реально произносившейся основы (или заменяющее его *ω*) могло быть выписано перед такой орфограммой — в роли своего рода фонетического дополнителя к условной (“идеографической”) записи основы. Примеры: *огнѣ* (= *осподине*), *ωгжѣ* (= *оспоже*), *ог^сда* (= *оспода*), аналогично *о-ѣ*. (= *осмь*), *о-ѣ*. (= *осмь десятъ*) и т. п. Подробный разбор этого вопроса см. в Изуч. яз., § 33–36.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕКСТОВОЙ СТРУКТУРЫ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

§ 1.16. Необходимо упомянуть также еще один круг проблем, связанных с изучением берестяных грамот, а именно, вопросы текстовой структуры берестяных писем. Этой проблематике посвящены работы Ворт 1984, Зализняк 1987б; здесь мы коротко рассмотрим лишь те аспекты, которые имеют значение для датирования берестяных грамот.

Почти все берестяные письма начинаются с адресной формулы — указания о том, от кого к кому направляется письмо (с изъяснением почтения или без него). Адресные формулы стереотипны (им несомненно обучали, ср. грамоту 199, В 9); но они различны в разные эпохи.

Таблица 1–2 демонстрирует степень распространенности основных типов адресных формул в берестяных грамотах разных периодов (накопленный ныне материал позволил здесь уточнить прежние схемы). Учтены формулы: 1) со словом *грамота*; 2) со словом *поклананиѣ*; 3) *отъ X-а къ Y-у* (без дополнительных слов); 4) со словом *поклонъ*; 5) со словом *приказъ*; 6) со словами *челомъ бѣуть* или *челомъ битыѣ*; 7) со словом *челобитыѣ*. (Не учтены формулы, встретившиеся лишь 1–2 раза.) В таблице

указано количество грамот, где использована соответствующая формула. Формулы обозначены ключевыми словами и перечислены в порядке от более ранних к более поздним.

Таблица 1–2. ОСНОВНЫЕ ТИПЫ АДРЕСНЫХ ФОРМУЛ В БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТАХ

Период	<i>грамота</i>	<i>поклананиє</i>	<i>отъ X-а къ Y-у</i>	<i>поклонъ</i>	<i>приказъ</i>	<i>челомъ бьѣть, челомъ битъє</i>	<i>челобитьє</i>
XI – 50-е гг. XII в.	12	8	35	—	—	—	—
ок. 1160–1180 гг.	4	13	24	—	—	—	—
ок. 1180–1220 гг.	—	18	26	3	—	—	—
ок. 1220–1300 гг.	—	3	18	10	—	—	—
ок. 1300–1340 гг.	—	—	7	15	1	1	—
ок. 1340–1380 гг.	—	—	5	33	8	6	—
ок. 1380–1400 гг.	—	—	3	11	2	4	5
1 пол. XV в.	—	—	—	12	4	15	8

Как видно из таблицы, каждая адресная формула имеет собственное “время жизни”.

Отметим, что для формул со словом *поклонъ* следует различать модель *поклонъ отъ X-а къ Y-у*, которая встречается на протяжении всего периода употребления таких формул, и более новую модель *поклонъ отъ X-а Y-у* (с беспредложным Д. падежом), которая появляется лишь начиная с грамоты № 358 (сер. XIV).

Определенное хронологическое значение имеет также использование перед началом текста берестяной грамоты знака креста, который выступает в этом случае в роли дополнительного этикетного элемента (см. об этом Зализняк 1987б: 151). Этот знак встречается главным образом в грамотах XII – 1 четв. XIII в., а в более позднее время отмечен в качестве пережитка всего в нескольких грамотах.

Еще один этикетный элемент берестяных грамот, имеющий хронологическое значение, — слова *господинъ, госпожа, господа* (также в вариантах *осподинъ, оспожа, оспода*) в применении к адресату. С течением времени частота употребления этого этикетного элемента неуклонно возрастает. Ранее 2 пол. XII в. примеров нет вообще. Самые ранние примеры — в № 226 и 682 (XII₂), далее 531 и 152 (XII/XIII), 147 (XIII₁), 148 (XIII₂). Лишь с XIV в. такое обращение к адресату заметно учащается; в XV в. оно уже встречается чрезвычайно часто.

Прочие сведения об элементах формуляра, имеющих хронологическое значение, см. в НГБ X: 281.